

В очередной том сборника включены статьи, посвященные различным проблемам источниковедения и историографических дисциплин отечественной и зарубежной истории: историографии возникновения древнерусского частного акта, проблемам сфрагистики, дипломатики, анализу шартрианских источников XVII—XX вв., законодательным проблемам России XVII—начала XX в. Представлены в сборнике также статьи по источниковедческим проблемам — о российских императорских коронационных альбомах, по истории Византии, русско-скандинавских влияний, культурных контактов Руси с германскими землями в XVI в., материалы деловой переписки голландских купцов начала XVII—начала XVIII в. и др.

Редакционная коллегия:

М. П. Ирошников (зам. отв. редактора), академик *Д. С. Лихачев*, *И. П. Медведко*,
Е. К. Ниотроуская (отв. секретарь), академик *И. И. Покровский*,
М. Б. Свердлов, *В. Г. Чернуха*, чл.-корр. РАН *В. А. Швакин* (отв. редактор),
С. О. Шмидт, академик *И. Л. Янин*

*Книга вышла при финансовой поддержке
Международного Фонда «Культурная инициатива»*

И. Л. ЯНИН

МОЛИВДОВУЛ РОСТОВСКОГО ЕПИСКОПА ЛЕОНТИЯ

В апреле 1991 г. в Новгороде у Н. А. Дубровка была приобретена найденная им в 1985 или 1986 г. на берегу Волхова, близ мостика, ведущего к Городищу, свинцовая вислая печать, содержащая следующие надписи и изображение.

Л.с.: надпись в шесть строк:

ав

⊕
⊗
⊗
ΛΕΟΝΤΙΩ
ΑΓΕΠΙΣ
ΜΟΝΥΡΟ
ΣΤΑΥΛΩ
- 1 -

Вокруг точечный ободок.

О.с.: изображение Богоматери Оранты в полный рост. По сторонам титлы, из которых сохранилось правое ΘΥ. Вокруг точечный ободок.

Диаметр буллы 24—27 мм. Она оттиснута на кружке большей величины, нежели ее матрицы. Диаметр последних (по размеру точечных ободков) — 20 мм (см. рисунок).

Прежде такая печать известна не была, однако принадлежит она к обычному типу епископских русских булл середины—второй половины XII в. Хронологически важной деталью является изображение на ней Богоматери в полный рост, пришедшее на смену погрудному или поясному не ранее 60-х годов XII в. На буллах киевских митрополитов оно впервые зафиксировано у Константина II (1167—не ранее 1174 г.), на буллах новгородских еписко-

нов — у Илии (1165—1186 гг.).¹ Характерен для второй половины XII в. и размер матриц найденной печати.

Надпись о принадлежности буллы имеет однозначное толкование: *Ομοῦκε βοῦντα Λεοντίῳ ἀρχιεπισκόπῳ Ροστόφοῦ δοῦλῳ σου*, т. е. «Богородица, помоги Леонтию архиепископу Ростова, рабу своему».

Списки ростовских владык знают двух Леонтия (Леонов): в 6499 (991) г. «поставлена бысть церковь в Ростове дубовая, Успение святых Богородица, пръвым епископом Федорѣм Грецином. А служило у той церкви епископов 7-мь: 1 епископ Федор, 2 епископ Ларион, 3 епископ Леонтей чудотворецъ, 4 епископ Исана чудотворецъ, 5 епископ Ефрем, 6 епископ Нестер, 7 епископ Леон. А стояла та церковь дубовая 100 лет и 60 и семь лет; и погоре град Ростов, и церковь дубовая згорела, якоже не бывала такога и потом не будетъ».² В отличие от цитированного текста Воскресенской летописи, восходящего, вероятно, к древнему ростовскому соборному синодику, позднейший список ростовских епископов, составленный в конце XIV в. по случаю поставления в Ростов епископа Григория (1396—1416 гг.), в своей начальной части содержит несомненные повторы (повторы Ларион, дважды названы небывалые Феодор и Феогност), увеличившие число первых владык до двенадцати: «А се имена епископом их: 1. Феодор, 2. Феогност, 3. Феодор, 4. Ларион, 5. Феодор, 6. Феогност, 7. Леонтий чудотворецъ, 8. Ларион, 9. Исана чудотворецъ, 10. Ефрем, 11. Нестер, 12. Леон, 13. Лука...» и т. д.³

Хронологические рамки деятельности семи первых ростовских епископов определены самим цитированным текстом Воскресенской летописи — от сооружения Успенской церкви в 991 г. до ее пожара спустя 168 лет. О пожаре Ростова и его соборной церкви летопись сообщает под 1160 г.: «...погоре Ростов и церкви все, и соборная динная и великая церковь святое Богородице згоре и яко же не было, ни будетъ».⁴

Летописных известий о ранних ростовских епископах практически нет. Лишь под 1089 г. упомянуты епископ Исая, принимавший участие в освящении церкви Богородицы в киевском Печерском монастыре.⁵ Согласно его Житию, он был возведен на ростовскую кафедру в 1077 г. и умер 15 мая 1090 г.⁶ Его предшественник Леонтий в послании владимирского епископа Симона к Поликарпу (1225—1226 гг.) назван первым русским иерархом, вышедшим из киевского Печерского монастыря.⁷ Коль скоро этот монастырь был основан в 1051 г., деятельность Леонтия I можно относить к третьей

¹ *Илии В. Д.* Активные печати древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 175, № 51; С. 177, № 57.

² ПСРЛ. С116., 1856. Т. 7. С. 313—314.

³ Там же. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 226. В других списках этот список под тем же 1396 г. начинается именами последующих владык: ПСРЛ. Изд. 2-е. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 381 (доведен до Ефрема II, 1427—1454 гг.); С116., 1853. Т. 6. С. 128; С116., 1859. Т. 8. С. 69; Пг., 1921. Т. 24. С. 165 (доведен до Тихона, 1489—1503 гг.). В Никоновской летописи, где подобный список является частью самостоятельного описания, он доведен до Николая, занимавшего ростовскую кафедру в 1549 г. (ПСРЛ. С116., 1862. Т. 9. С. XIV).

⁴ Там же. Изд. 2-е. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 351.

⁵ Там же. Т. 2. Изд. 2-е. С116., 1908. Стб. 199.

⁶ Словарь исторический о святых, прославившихся в Российской церкви. Изд. 2-е. С116., 1862. С. 108.

⁷ Памятники литературы древней Руси: XII век. М., 1980. С. 482.

четверти XI в. В. О. Ключевский ссылался на Филарета Черниговского, которому был известен поздний список святцев, помечающих кончину Леонтия 6581 (1073) г.⁸ В любом случае принадлежность найденной в Новгороде печати этому Леонтию исключена, поскольку ее типические признаки противоречат датировке XI в. Это позволяет сосредоточиться на деятельности и личности Леонтия (Леона) II. Рассмотрим прежде сумму летописных известий о нем в древнейших Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

В 1156 г. «приде митрополит из Цариграда Костянтин, и прият его князь с честию и людье вси; на ту же зиму иде епископ Нестер в Русь, и лишиша и епископы».⁹ В 1157 г. «приде Леон на епископию Ростову»;¹⁰ спустя шесть лет Лаврентьевская летопись отмечает: «Леон епископ не по правде постависа Суждалю, Нестеру епископу Суждальскому живущю перехватив Нестеров стол».¹¹ Несправедливость, проявленная к Нестору, в дальнейшем стала поводом для его особого уважения: в 1231 г., когда в Ростов был поставлен епископ Кирилл, летописец отметил, что он стал «наместник святых епископ преже бывших Ростове — Леонтия святого, и священную епископа Исая, и Нестера».¹² Что касается Ипатьевской летописи, то она не знает Нестора.

В 1159 г. «выгнаша Ростовци и Суждальци Леона епископа, зане умножил бяше церкви грабни погна».¹³ Однако вскоре при неизвестных обстоятельствах Леонтий возвращается на ростовскую кафедру, так как под 1161 г. сообщается о его новом изгнании: «Того же лета выгна Андрей епископа Леона не Суждаля и братько свою погна Мистислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднии; се же створи хотя самовластець быти вси Суждальской земли. Леона же епископа изарити омить, покаяться от греха того, но в Ростов, а в Суждали не да ему селети. И держа и 4 месяца в епископии, нача просити у него от воскресения Христова до всех святых седми мяса и в среду и в пяток; епископ же повеле ему одну неделю порозную седми мяса в среду и в пяток, а прочю добре хранити. Он же противу вину погна и своеи земли, и приде Чернигову к Святославу Ольгичу. Святослав же утешив добре, пусти к Киеву к Ростиславу».¹⁴

Этот весьма невразумительный текст Ипатьевской летописи отчасти разъяснен Лаврентьевской летописью, которая весь заключительный эпизод, касающийся правил соблюдения постных дней

⁸ Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 13.

⁹ ИСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 347. Нестор епископствовал в Ростове уже в 1148 г. (Средневосточный В. И. Антимос 1149 г. // Христианские древности и археология. 1862. Кн. 4, с. 1—2; Мирский Ф. Антимос 1149 (6657) г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Российской археологического общества. Пет., 1915. Т. 11. С. 197—209).

¹⁰ ИСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 348. Это известие помещено под 6666 г., но ему непосредственно предшествует сообщение о закладке Успенского собора во Владимире 8 апреля по старому стилю, что соответствует 1157 г. См.: Березков П. Г. Хронология русского летоисчисления. М., 1963. С. 65.

¹¹ ИСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 351—352.

¹² Там же. Стб. 457.

¹³ Там же. Стб. 349; Т. 2. Стб. 493.

¹⁴ Там же. Т. 2. Стб. 520.

между Пасхой и Всесвятской неделей (т. е. между Великим и Петровским постами), помещает под 1164 г. и позволяет понять, что речь идет о тех случаях, когда на среду или пятницу приходится те или иные «господские» праздники: «В то же лето вста ересь Леонтианская, скажем ямале: Леон епископ ... поча Суждали учити не ести мяс в Господьские праздники в среды и в пятки ни на Рожество Господне, ни на Крещенье. И бысть тяжа про то велико пред благочерным князем Андреем и предо всеми людьми. И упре его владыка Федор. Он же иде на исправление Цесарю-городу, а тамо упрел и Анфризан епископ Болгарьский перед цесаремь Мануилом. Стоящю цесарю товары над рекою, Леону молвящю на цесаря удариша слугы цесаревы Лозна за шью и хотеша и в реце утопити, суши ту у цесаря всем слом: Киевський сол, и Суждальський сол Илья, и Переяславський, и Черниговський. Се же сказахом верных делея людии, да не блазнятся о праздницех Божьих».¹⁵

Еще раз о правилах соблюдения постных дней летописец вспоминает в связи с событиями 1168 г., когда Киев был взят у Мстислава Изяславича сыном Андреем Боголюбского Мстиславом и пограблен. Разграбление Киева, по словам летописца, было воздаянием «за грехи их, паче же за митрополию исправду: в то бо время запретил бе Поликарп игумена Печерьского про Господьские праздники, помагашеть же ему и Черниговський епископ Антоний, и князю Черниговському многожды браняшеть ести мяс в Господьские праздники. Князю же Святославу не хотящю ему и изверже и из епископии».¹⁶

В Лаврентьевской летописи под 6677 г., а в Ипатьевской — под 6680 г. помещен известный рассказ о «пронурливом и гордом льстеце лживом владыке Федорце» («Федорце белом клубучке» — по Типографской и Новгородской 4 летописи), который не захотел послушать князя Андрея, «велящя ему ити ставитися к митрополиту г Киеву». Отказавшись от поставления у митрополита, Федорец запер все владимирские храмы, но 8 мая был изгнан и отправлен к митрополиту Константину, который распорядился казнить его, предварительно отрезав ему язык, руку и ослепив.¹⁷

Леонтий в летописи упомянут еще раз под 1183 г. в связи с его кончиной: «В то же лето преставися епископ Полотьский именем Дионисий — мя же убо о семь поглаголемь, — преставившюся Леону Ростовскому епископу и поставлен бысть Никола Гречин епископом. Всеволод же Гюргевичь князь Суждальский не прия его, но посла Киеву ко Святославу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору, рек: «...не избраша еего людьи земле нашее, но же еси поставил, ино камо тебе годно, тамо же и держи, а мне постави Луку смиреннаго духом и крепкого игумена святого Спаса на Берестовеми. Митрополит же Никифор, не хотяще поставити еего, но неволею великою Всеволода и Святославилско и постави Луку епископом в Суждальскую землю и посла (Николу) Полотьску епискупить».¹⁸

¹⁵ Там же. Т. 1. Вып. 2. Стб. 351—352.

¹⁶ Там же. Стб. 354—355.

¹⁷ Там же. Стб. 355—357; Т. 2. Стб. 551—554.

¹⁸ Там же. Т. 2. Стб. 629—630. Лаврентьевская летопись не сообщает о смерти Леонтия, а эпизод с изгнанием Луки относится под 1185 г., утверждая, что первоначальное поставление Николая состоялось «на мзде» (Там же. Т. 1. Вып. 2. Стб. 390—391).

Дата возвращения Леонтия на ростовскую кафедру (после его изгнания в первой половине 60-х годов) в летописях отсутствует. Ее называет В. Н. Татищев, описывая события 1172 г.: «Отставлен в Ростов в епископа Леонтия, игумен от святого Спаса Владычня монастыря».¹⁹ Вряд ли следует особенно доверять этому известию: оно слишком похоже на приведенное Татищевым же под 1157 г.: «Андрей, великий князь, поставил в Ростов епископа Леонтия, бывшего игумена владычня монастыря».²⁰ Похоже на то, что Татищев не отождествлял Леонтия 70-х годов XII в. с «ересiarхом» 60-х годов.

Такова сумма известий старших летописных сводов. Она никоим образом не пополнена в Московском своде конца XV в., Типографской, Новгородской 4 и Воскресенской летописях. В ней множество темных мест, возбуждающих множество вопросов. За какую вину был лишен епископии Нестор? Сколь длительны были изгнания Леонтия? Какими обстоятельствами определялись его возвращения на ростовскую кафедру? Какой была истинная хронология событий? Кроме хронологически неприуроченного сюжета о «Леонтианской ереси», можно отметить по крайней мере еще две «плавающие» даты. Не имеет конкретной хронологической привязки явно интерполированный рассказ об изгнании и казни Федорца, Н. Н. Воронин обратил внимание на то, что в Лаврентьевской летописи этот рассказ «разъединяет сообщение о посаждении Мстиславом в Киеве своего дяди Глеба Юрьевича и явно следовавший за ним пространный рассказ о покровительстве Глебу Богородицы Десятинной в походе на половцев — сюжет, говорящий и здесь о богоизбранности владимирской династии и ее членов».²¹ Однако и в Ипатьевской летописи рассказ о Федорце введен неорганично в повествование о начале княжения Глеба.²² Другой хронологически неприуроченный сюжет — сообщение о «митрополичьей неправде» и изгнании черниговского епископа Антония из его епархии князем Святославом Всеволодовичем, изложенное под 1168 г., но завершенное словами: «... мы же на предлежащее возвратимся».²³

В то же время вполне очевидна моральная оценка епископа Леонтия в Лаврентьевской летописи, где все симпатии летописца на стороне князя Андрея Юрьевича, а никак не Леонтия. Жесткая позиция епископа в трактовке правил соблюдения постных дней в глазах летописца — «Леонтианская ересь» (по Типографской летописи — «сия бо ересь Арианская»²⁴); такая же позиция киевского митрополита — «митрополичья неправда»; Леонтий — узурпатор кафедры при живом епископе Несторе; он грабит попов и терпит полное поражение от «упревших» его владыки Федора и епископа Андриана,

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская в семи томах. М., Л., 1964. Т. 3. С. 96.

²⁰ Там же. С. 61.

²¹ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовере: Из истории русско-византийских отношений XII в. // ИВ. М., 1962. Т. 21. С. 44.

²² Несомненным представляется замечание Воронина: «Еще больше очевидно случайность помещения намфлета в киевской летописи под 1172 г., так как митрополит Константин II, казненный Федором, занимал престол до 1169 г.» (там же). Источники не дают возможности установить конкретную дату снятия митрополичьей кафедры Константином.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 355.

²⁴ Там же. №. 1921. Т. 24. С. 80.

после чего позорно избит слугами императора. И если нет оснований сомневаться в правоте М. Д. Приселкова, предположившего, что рассказ о гибели Федора внесен в свод по указанию митрополита, то подобное предположение того же исследователя относительно включения в свод рассказа о «Леонтианской ереси»²⁵ представляется в высшей степени противоречивым. Федорец и Леонтий полярины: Федорец — враг митрополита, носитель тенденции освобождения владимирской церкви от митрополичьей гегемонии Киева; Леонтий — объект гонений со стороны Андрея Боголюбского, фанатик церковной догмы, поддерживаемый митрополитом.

Скупой набор фрагментарных известий о событиях 50-х и 60-х годов XII в. в ростовской епархии доживает в окостеневшем виде до XVI в., когда в руках сводчика Никоновской летописи оказывается активно дополненным русским переводом грамоты константинопольского патриарха Луки Хризостомита, адресованной им Андрею Боголюбскому. Грамота помещена в Никоновской летописи под 6668 (1160) г. и озаглавлена: «Послание великого патриарха Луки к великому князю Андрею Ростовскому и Суздальскому Боголюбскому, сыну Юрия Долгорукаго, внуку Владимирю, о Нестере епископе Ростовском и Суздальском».²⁶ Существует и краткая редакция этого послания в списке XVII в., видимо, более близкая к подлиннику.²⁷ В литературе имеются две версии датирования грамоты патриарха Луки. А. С. Павлов принял летописную дату — 1160 г.²⁸ Пл. Соколов доказал, что послание имеет в виду не Нестора, а Леонтия, имя которого произвольно заменено позднейшим редактором, и отнес грамоту к 1168 г.²⁹

Между тем обе хронологические версии не учитывают прямых указаний документа. Его включение в летописную статью 1160 г., несомненно, определено тем, что посольство упомянутого в ней Якова Станиславича было снаряжено Андреем Юрьевичем после завершения в 1160 г. строительства Успенского собора во Владимире, которое позволило владимирскому князю устами Якова Станиславича просить патриарха: «...да благословит гряд Владимирь митрополемю и да поставит в него митрополита».³⁰ Однако здесь же говорится о том, что посольство Якова с грамотами Андрея Боголюбского было принято «пред священным собором» в присутствии не только «Нестора, епископа Ростовского и Суздальского», но «еще же и послу Федора митрополита Киевского».³¹ Если, как это доказал Пл. Соколов, под Нестором следует понимать Леонтия, то никаких резонансов называть здесь же именем Федора какого-либо иного киевского митрополита придумать не удастся: в 1160 г. киевская кафедра была вакантной — митрополит Константин I умер в 1159 г.,³² а его

²⁵ Приселков М. Д. *Лаврентьевская летопись*. // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 32. С. 106—107.

²⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 223.

²⁷ РИБ. т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1908. Стб. 63—68.

²⁸ Там же.

²⁹ Соколов П. Русский архипрей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев. 1913. С. 134.

³⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 222.

³¹ Там же. С. 223.

³² Там же. Т. 1. Вып. 2. Стб. 349.

приемник Феодор пришел из Константинополя в августе 1161 г.³³ Умер же митрополит Феодор в 1163 г. В сообщении о его смерти Ипатьевская летопись отмечает: «...преставился быв 10 месяцев в митрополии».³⁴ Очевидна ошибка сводчика или переписчика: здесь явно в прологе стояло «год и 10 месяцев», что дает возможность датировать кончину Феодора июнем 1163 г.

Н. Н. Воронин, солидаризируясь в датировке послания с Пл. Соловьевым, писал: «Датировка грамоты не ранее 1164 г. подтверждается также и тем, что она упоминает «церкви многи», построенные князем Андреем во Владимире: к 1160 г. здесь только заканчивался Успенский собор, две же другие церкви — Спасская на новом дворе Андрея и Положения риз на Золотых воротах — построены лишь в 1164 г.»³⁵ Однако дата сооружения этих двух последних храмов не обладает безусловной достоверностью: сообщением о них открывается годовая статья 6672 г., вслед за ним идет «плавающий» рассказ о «Леонтианьской ереси», а предшествуют ему две «пустые» годовые статьи 6670 и 6671 гг.³⁶ Таким образом, Спасская и Ризположенская церкви могли быть сооружены даже в 1162 или 1163 г.

Относя послание патриарха Луки к началу 60-х годов, мы из его содержания заключаем, что оно написано и в ответ на уже возникшую и широко обсужденную «Леонтианьскую ересь», которая в глазах патриарха ересью отнюдь не является: «Знаменано же убо есть нам известно о благочестивем епископе твоем, якоже уведохом, не про что иное гоним есть и безчествуем, но некоего ради Феодора, сестричича епископла Мануилела, лишившася в ней же церкви поставлен; шедшу же ему тамо и поучающу спротивное епископу чрез повеления святых апостол и святых отецъ ясти мясо в среду и в пяток, аще прилучитъся праздникъ Господский или память которого нарочитаго святого, такоже и во всю святую пятидесятницу в среды и в пятки, и иная многая грубая и несмысленая творяще и учаше».³⁷ Разъяснен в подробностях правила соблюдения постных дней при совпадении их с Рождеством Христовым, Богоявлением, Рождеством Богородицы, Сретением, Успением, Преображением, Благовещением, днями Ивана Предтечи, Петра и Павла, Ивана Богослова, патриарх требует: «...того же убо Феодора отжени от себе и к епископу понуди его ити, да еще обратится и покаяться, благодать Богу; аще ли еще учнетъ, тамо пребывая, церковныа смущати, и мълвити вещи и укоризны, и досады на епископа наводити, спротивное творя священным и божественным правилом, отлучена его иметъ священный и божественный великий собор с нашим смиреннем».³⁸

Нет сомнения и там, что приведенное место послания отражает отмеченный летописью эпизод рассказа о «Леонтианьской ереси», когда епископа Леонтия «упре владыка Феодор». Введение этого рас-

³³ Там же. Т. 2. Стб. 514—515.

³⁴ Там же. Стб. 522.

³⁵ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский... С. 33.

³⁶ В Никоновской летописи освящение церкви на Золотых воротах во Владимире описано под 6671 г. как событие, одновременное с кончиной митрополита Феодора и повлоруждского епископа Аркадия (ПСРЛ. Т. 9. С. 231—232), т. е. происшедшее и 1163 г.

³⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 225—226.

³⁸ Там же. С. 228—229.

сказа Лаврентьевской летописью в годовую статью 1164 г. оказывается несомненным анахронизмом, коль скоро в 1164 г. упомянутого в послании митрополита Феодора уже не было в живых. Однако в Ипатьевской летописи изгнание Леонтия князем Андреем из-за разногласий в трактовке правил соблюдения постных дней отнесено к 1161 г., и это как нельзя лучше согласуется с датой послания Луки Хризостерга. В равной степени это согласуется и с вероятным началом деятельности «владыки Феодора» (Федорца), ставшего на какое-то время верховным иерархом во Владимире. Ипатьевская летопись под тем же 1161 г. сообщила, что перед изгнанием Леонтия за его «еретическую» позицию Андрей вернул его из предыдущего изгнания, «но в Ростов, а в Суздальи не да ему седеши; и держа и 4 месеци в епископии». Принимая во внимание появление тогда же «владыки Феодора», трудно толковать это место иначе, как выделение из состава прежней Ростовской епархии особого Суздальского диоцеза, ранее — как попытку такого выделения. Ведь именно об этом говорится в послании патриарха: «Не хощеша же его (города Владимира. — В. Я.) бити под правдами епископии Ростовския и Суздальския, но обновити его митропольею и поставити в нем от нас митрополита тамо сущаго у благородна твоего Феодора».³⁹ Отказав князю в учреждении владимирской митрополии, Лука упрекает его и за изгнание законного епископа: «...гоняши же епископа, главу церковную и людскую, то убо не у церкви то, но хлєви суть, и ни единыя же ти будеть мзды и спасения».⁴⁰

Патриаршее послание подводит итог завершившемуся в Константинополе оправдательному путешествию Леонтия и трактует его иначе, чем Лаврентьевская летопись. Если в Ипатьевской летописи рассказывается о благожелательном приеме Леонтия в Чернигове князем Святославом Ольговичем и о дальнейшей поездке изгнанного епископа в Киев, то сводчик Лаврентьевской летописи прилагает усилия к разоблачению его «ереси» ссылкой на победу над ним в споре «владыки Феодора», а затем болгарского епископа Андриана. Между тем в послании Луки недвусмысленно говорится: «Прочтохом же и другаа послания твоя, прислана к нам, на них же беаху обинны пина на боголюбиваго епископа твоего, еще же наипаче известихомся и от пресвященнаго митрополита Киевскаго и всеа Руси и иже под ним сущих епископов посланием, и от самого посла дръжавнаго сына нашего царя и от иных многих, яко таковая на епископа твоего обвинения глаголана суть многожды в своем тамо у нас соборе и пред великим князем Киевским пришедшим о том неким мужем благородия твоего, и явишася те все вины нестервы, якоже бы епископу напаствоватися и яту бити в винах тех. И оправден убо естъ сей епископ своим собором своего ему суща митрополита Киевскаго и всеа Русии».⁴¹ Признавая решения митрополичьего собора окончательными и не нуждающимися в патриаршей санкции, Лука упоминает и о личном своем общении с изгнанным из Ростова епископом: «...от самого того Нестера епископа твоего множицею слышахом о благодородии твоём многая благая свидетельства, глаголаная пред нашим

³⁹ Там же. С. 223.

⁴⁰ Там же. С. 225.

⁴¹ Там же. С. 224.

смирением, и пред священным и божественным собором и пред дряжайшейшим нашим сыне благочестивем царе Мануиле». При прочтении патриаршего послания константинопольскому собору «стуже сушу и Нестеру епископу Ростовскому и Суздальскому». ⁴² Напомним, что в русской обработке послания Луки Хризостерга в Нестора превратился Леонтий.

Причины такой трансформации, как кажется, объяснимы. Имея дело с текстами старших летописей, где Леонтий представлен еретиком и узурпатором святительского престола Нестора, редактор заподозрил ошибку в послании и по-своему «исправил» ее. Это «исправление» сделалось источником той фантастической концепции, которой сводчик Никоновской летописи попытался преодолеть противоречия и недомолвки своего летописного источника.

Прежде всего он «реконструировал» некие биографические черты Нестора. В 1156 г. «иде из Ростова Нестер епископ Ростовский в Киев к Константину митрополиту Киевскому и всея Руси поклонитися и благословитися, и от своих домашних оклеветан бысть к Константину митрополиту, и в запрещении бысть». ⁴³ Однако в следующем году Константин, «испытая о Нестере, епископе Ростовском, яко не по правде оклеветан бысть от домашних его, и повеле клеветарей его всех всадити в темницу». ⁴⁴ С его именем Никоновская летопись связывает учреждение праздника Спаса 1 августа: «И сице благословением блаженнаго Луки патриарха Царяграда, и пресвященнаго Константина митрополита Киевскаго и всея Руси, и Нестера епископа Ростовскаго уставилиа праздновати честному и животворящему кресту месяца августа 1 дня». Тем неожиданнее звучит следующая за этим сообщением фраза: «Того же лета изгнан бысть Нестер епископ Ростовский с престола его Ростовскаго и Суздальскаго про Господьския праздники; не веляше бо мяса ясти в Господьския праздники, аще прилучится когда к среду или в пяток, также от светлых недели и до пентикостиа». ⁴⁵ Подмена имен, как видим, реализована в подмене характеристик.

Под 1158 г. Никоновская летопись сообщает о приходе в Ростов на епископство Леонтия, ⁴⁶ а под 1160 г. измышляет причину изгнания Леонтия с ростовской кафедры: «Того же лета препирание бысть с Леоном епископом, зане не по правде поставися Ростору и Суздальку на епископство, Нестеру убо епископу Ростовскому и Суздальскому живу сушу, прехватия Нестеров стол не по повелению священных правил святых апостол и святых отец, и изгна его князь Андрей Юрьевич». Изложив затем сообщение об изгнании Андреем его братья, причины чему обозначены в причудливом сочетании желаний князя «едли быти властель во всей Ростовской и Суздальской земле» и того, что он «прелещен бысть от домашних своих злых, ненавидяху бо князя Андрея свои его суще домашнии», летописец воспроизводит рассказ Ипатьевской летописи о возвращении Леонтия князем Андреем «на свой его стол в Ростов и Суздаль», о его учении

⁴² Там же. С. 223.

⁴³ Там же. С. 207.

⁴⁴ Там же. С. 209.

⁴⁵ Там же. С. 210—211.

⁴⁶ Там же. С. 214.

«не есть мяс в среды и пятницы на господские праздники», об «упреении» его «Феодором епископом», а затем и Андреем в Царьграде, что является явным редакторским недосмотром, поскольку все эти действия и выше, и ниже приписаны не Леонтию, а Нестору. Но сведчик тут же выходит из положения сочинением еще одного фантастического эпизода: «Того же лета приде от Луки патриарха Константиноградскаго посол Андрей к великому князю Андрею Юрьевичу Ростовскому и Суждальскому о Нестере епископе Ростовском и Суждальском: „Да дади ему, рече, вишти на своей ему стол Ростов и Суздаль, да не заблужает в чужих странах, да на имя Христова худится, да не постигнет ты гнев Божий“». ⁴⁷

Под 1168 г. сведчик Никоновской летописи излагает свою литературную обработку «плавающего» сюжета о «митрополичьей неправде», которая изображена здесь, напротив, как «правда» митрополита Константина II, действительно бывшего главой русской церкви в указанном году (и Лаврентьевской летописи митрополит по имени не назван, а само событие изложено как имевший некогда место мотив действий князя Мстислава Юрьевича в 1168 г.). В Никоновской летописи отстранение от черниговской кафедры епископа Антония, являющееся частью «митрополичьей неправды», ошибочно связано с князем «Святославом сыном Олюным», ⁴⁸ умершим в 1164 г. ⁴⁹ Но в том же 1164 г. черниговским князем стал Святослав Всеволодович, при котором это отстранение состоялось.

Таким образом, мы видим, что все события, связанные с приемом и соблюдением постных дней, в действительности концентрируются в пределах узкого промежутка времени от 1161 до 1164 г. В течение этого короткого периода возникла и заглохла мечта Андрея Боголюбского о создании особой митрополии во Владимире, независимой от Киева, равноправной Киеву и подчиняющейся прямо вселенскому патриарху. Если это так, то и «плавающий» рассказ о «бунте» и казни Федорца Белого клубочка не может хронологически заметно отстоять от этих событий, коль скоро квалификация действий Федорца была дана в послании Луки Хризостерга, т. е. около 1163 г. Согласно летописному рассказу, Федорец, будучи нареченным владыкой Владимира, отказался идти на поставление к киевскому митрополиту. Ни Лаврентьевская, ни Инатьевская летопись не ставят ему отказ в связь с якобы имевшим место хиротонисанием у патриарха. Эту версию выставляет Никоновская летопись под 1170 г.: «Того же лета Феодор калугер, сестричичь Петра Бориславича, иде в Константиноград, несый с собой много имениа, и ложно рек к патриарху: „Яко ныне несть в Києве митрополита, и се аз, да поставиши мя“. Патриарх же не приат словес его; он же помале начят паки молити патриарха: „Яко несть ныне в Руси митрополита, и се тамо несть от кого ставитися епископом, да поставиши мя в Ростов епископом“; и тако поставиши в Ростов епископом Феодор калугер». ⁵⁰ Рассказ весьма противоречив. Только что в послании Луки Хризостерга Феодор назывался сестричичем смоленского епископа

⁴⁷ Там же. С. 221—222.

⁴⁸ Там же. С. 236.

⁴⁹ Там же. Т. 2. Стб. 524.

⁵⁰ Там же. Т. 9. С. 23.

Мануила, преобразовавшись теперь в сестричица Петра Бориславича, — превращение легко объяснимо, поскольку смоленский епископ Мануил был последовательным проводником константинопольской гегемонии (что очевидно из его поведения в конфликте из-за Климата Смолятича), а Петр Бориславич в рассказе Никоновской летописи за 1168 и 1170 гг. дважды назван «злым человеком и окаянным боарином».⁵¹ Малоубедительна наивная уверенность сочинителя этого рассказа и удавшийся обман патриарха. Кому лучше самого Луки Хризостомита было знать, что в Киеве с 1167 г. владел митрополией переживший Федорца Константин II, — именно ему, помещая рассказ о казни Белого клубочка под 1169 г. (Лаврентьевская летопись), 1171 г. (Никоновская летопись) или 1172 г. (Ипатьевская летопись), летописец приписывает расправу над несостоявшимся владимирским митрополитом.

«Епископство» Федорца имеет иную природу. Подобно Новгороду, Ростов, очевидно, обладал юрисдикцией предварительного вечового избрания владыки, остававшегося, однако, лишь нареченным до его хиротонисания у киевского митрополита. Убеждаемся в этом благодаря недвусмысленному свидетельству Ипатьевской летописи под 1183 г., когда отказ Всеволода Юрьевича принять на ростовскую кафедру присланного митрополитом Никифором киеви поставленного епископа Николая Гречина мотивировался тем, что «не избираша сего людье земле наше», а также обстоятельствами первого изгнания Леонтия в 1159 г., когда «выгнаша Ростовци и Суждальци Леона епископа», декларируя тем самым право решать судьбу кафедры. Федорец был избран суздальскими и владимирскими людьми, но лишился жизни, так и не получив святительского утверждения в епископском сане.

Ложная версия Никоновской летописи была активно поддержана и развита В. Н. Татищевым, хотя ложная в ее основу грамота Луки Хризостомита признавалась им подложной. Поверив в хиротонисание Федорца патриархом, Татищев писал: «499. О грамоте патриаршей. п. 486, упомянул, а здесь наипаче то обличается: 1) как сильно патриарх в оной Несторѣ епископа защищал и власть ему беззаконную приписывал, а здесь, отреша Нестора, по представлению князя другого епископа и Ростане поставил; 2) тамо сего Феодорца проклинал, а здесь посвятил; 3) тамо сказует, что мимо митрополита, яко главы церкви и государства, неудобно посвятить, а здесь без ведома его то учинил. И хотя ниже показано, что сей Федорец патриарха оболгал, да сие ко оправданию не служит. И хотя то довольно известно, что тогда греки мало о знании и хранении законов прилежали, однако ж невероятно, чтобы так безстыдно против своего прежняго утверждения поступали. Для того легче верить, что оная грамота подложная, також и наречие ея с тогдашним не согласное». В ноте 486, на которую сделана отсылка, Татищев утверждал: «Сия грамота в Никоновском положена, но чтобы она подлинно патриарха греческого была, есть невероятно».⁵²

⁵¹ Там же. С. 235, 237.

⁵² Татищев В. Н. История Российская... С. 246—247.

Отбросив послание как подложный документ, Татищев не усомнился в достоверности остальных имеющих отношение к нашей теме сведений Никоновской летописи и детально воспроизвел хронологическую канву и фактическую картину событий, данную в этом своде, разукрасив эту картину домысленными подробностями. Так, в 1162 г. «некто Леонтий кунил у митрополита епископство белорусское (так Татищев называет ростовскую епархию. — В. Я.) серебром и пришел во Владимир ко Андрею. Андрей же, великий князь, не хоти Нестора оскорбить, надеяся ему у митрополита пресечение испросить, но и митрополита не хотел обидети, оставил Леонтия во Владимире. Потом разрешен был и Нестор от митрополита и отпущен в Ростов. И были тогда в Белой Руси 2 епископа». После изгнания из Суздальской земли «прежних вельмож многих» «Нестор уехал в Киев. Леонтий же, хотя не был учен, но гордостью надмен, шед в Ростов, начал учити развратная». Прения перед Мануилом, по Татищеву, произошли в Андрианополе, «где тогда император Мануил блиа града стоял с войском над рекою» (так трансформировался епископ Андриан). «Патриарх же, по многим разсуждению собора облича его невежество, сослал и крепкое содержание в монастырь. Но по сем Леоне многие невежды остались и учение о умножении постов и безбрачном житии разсевали, и егда от того пресечены».⁵¹

Особая сила воображения проявлена Татищевым при обработке (естественно, под 1168 г.) сюжета о «митрополичьей неправде»: «Сего же году Поликарп, игумен Печерскаго монастыря, с братиею положили во все господские праздники, ежели прилучится в среду и пяток, есть сыр, масло, яйца и молоко. Которому согласовал Святослав, князь черниговский, и другие князи и епископы, но митрополит позбраниял. И было о том прение многое и распря великая. Мстислав же, великий князь, положил созвать на собор всех епископов, игуменов, священников и монахов ученых. И сошлось их до ста пятидесяти. От Андрея Юриевича пришел Федорец, игумен суздальский. У которых было прение многое. Одни держались митрополита — Антоний, епископ черниговский, и Антоний, епископ переяславльскый, и другие благоразумные игумены, священники и монахи. Другие утверждали мнение Поликарпово, отвергающе уставы Студитовы. Большее же число от сошедшихся, не хоти митрополиту, ни князем досады наносить, отговаривались незнанием истины и никакого мнения не объявляли, полагая более, что то состоит в воли митрополита и игуменов в их монастырех. Иные полагали послати сие на разсмотрение и определение к патриарху, как он положит, но князи не хотели сие на патриарха, но паче на уставы Вселенских соборов полагали. Андрей Юриевич писал ко Мстиславу, дабы митрополита сеадити и выбрать епископам инаго и потом на соборе безпристрастно разсмотреть, представляя от власти патриархов и Руси великий вред и напрасные убытки, о чем Федорец паче всех прилежал. Но Мстислав, великий князь, хотя сам довольно письма учен был и законы знал, но, ведая многих князей на себя ненависть, опасаяся епископов раздражити, дабы оные паче князей не возмутили и его Киева не лишили, оставил без решения. И так все несогласные

⁵¹ Там же. С. 76—77.

митрополиту епископы, смоленский, владимирский и галицкий, разошлись, тогда митрополит со Антониями черниговским и переяславльским осудили Поликарпа в заточение. А Святослав Всеволодич черниговский изгнал из Чернигова Антония епископа, понеже он повосил князя за сдение мяс. Он же, шел в Киев, был при митрополите. А Федорц, шел в Царьград, великими дарями испросил себе епископство ростовское и, поставлен, возвратился в Ростов». ⁵⁴

Подробное изложение процесса постепенной беллетризации источника, обрастания его многочисленными вымышленными подробностями и произвольными реконструкциями представляется несъема поучительным, особенно потому, что эти ложные реконструкции падали и сделались основой представлений о политике Андрея Боголюбского, направленной на возвышение Владимирской земли. Трехлетняя эпопея борьбы Леонтия и Федорца, за которой стоит попытка князя Андрея вырваться из системы церковного подчинения Киеву, растянута на все 60-е годы XII в. Созданный воображением Татищева княжеский собор 1168 г. (мысль о котором извлечена Татищевым из отвергнутого им как подложное послания Луки Хризостера, в котором говорится о соборе в Киеве начала 60-х годов), фантастическое поставление Федорца у патриарха — все это общие места нашей историографии от Н. М. Карамзина до Н. И. Воронина, не исключаяющей и наших в трактовке отдельных эпизодов. Важнейшим этапом историографического развития темы стало обоснование принципиальной достоверности послания Луки Хризостера А. С. Наволом и Пл. Соколовым и выяснение Пл. Соколовым подмены имени Леонтия на Нестора. Однако хронологический вывод Соколова, датированности послание 1168 г., работал на укрепление неверной в целом общей хронологической схемы.

Возвращаясь к найденной в Новгороде печати ростовского владыки Леонтия, отметим, что она оказывается не только новым для нового обращения к рассматриваемой теме, но и источником некоторых существенных наблюдений. Леонтий на этой булле титулован не епископом, а архиепископом, что является несомненной неожиданностью. Мне уже доводилось касаться вопроса о титуловании русских иерархов в XII в. в связи с историей новгородской архиепископской кафедры. Вопреки традиционному, возникшему еще в летописании XV в. делению истории новгородской епархии на епископский и архиепископский периоды, рубежом между которыми избран 1165 г., когда сразу же после поставления Илии-Иоанна в новгородские епископы «повелено бысть владыце архиепископство митрополитом», ⁵⁵ вещественные источники говорят лишь о персональных пожалованиях титула архиепископа отдельным владыкам. Так, даже не непосредственный преемник Илии Мартирий (1193—1199 гг.) на печатях титулуется епископом, ⁵⁶ а предшественник Илии Нифонт на

⁵⁴ Там же. С. 87—88. Говоры о двух Антониях. Татищев был введен в заблуждение печатями «местом раскопки Новгородской летописи: «Помогаше же Константину митрополиту и Антоней епископ Чръниговскій и епископ Переяславскій», где имя переяславского владыки не обозначено. В Латшевском томе он, однако, назван Федорцом. См.: ПСРЯ. Т. 9. С. 236.

⁵⁵ Новгородская Первая летопись старшей и младшей редакций. М.: Л., 1950. С. 32. 219.

⁵⁶ Яшин В. А. Актыные печати древней Руси. Т. 1. С. 177—178, № 60.

антиминсе 1148 г. называет себя архиепископом: «Жертвникъ святого мученика Георгия священ от Нифонта архиепискупа Новгородскаго повелениемъ епискупа Ростовскаго Нестора при Благочестивемъ князи Георгии сыну Мономахову месяца сентября в 1 в лето 66(5)7 индикта в 12...».⁵⁷

Думается, что пожалование архиепископского титула Илие и Леонтию — взаимообусловленный акт. Если Леонтий был отличен персональным пожалованием высокого титула, то новгородский владыка, более высокий ранг которого уже был продемонстрирован иерархическими взаимоотношениями Нифонта и Нестора в 1148 г., не мог оставаться носителем менее значительного титула. Таким образом, коль скоро Илия был наречен архиепископом в 1165 г., мы видим в этом акте еще одно подтверждение правильности предложенного выше вывода о том, что эпопея Леонтия исчерпалась около 1164 г., когда он, следовательно, и вернулся на ростовскую кафедру. Общей датой его найденной в Новгороде печати может быть признан период с 1165 до 1183 г.

---

⁵⁷ См.: Яши И. Л. Некроль новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 49—52.